

Оглавление

Глава 1	
ВВЕДЕНИЕ	9
Глава 2	
ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА	21
Глава 3	
МРАЧНЫЕ ВРЕМЕНА В «ГОРОДЕ СВЕТА»	48
Глава 4	
НЕВОЗМОЖНОГО НЕТ.	79
Глава 5	
ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НЕ ТАК УЖ И ЧЕЛОВЕЧНО	102
Глава 6	
В ЕГО ПРИЯТНОЙ КОМПАНИИ.	130
Глава 7	
МНЕ ВСЕ ОТКРЫЛОСЬ В ОДИН МИГ	172
Глава 8	
ФРАНЦУЗСКОЕ ВТОРЖЕНИЕ	189
Глава 9	
LE SYSTÉME-GIRARD.	227
Глава 10	
«ЧАС Ч» ДЛЯ КУЛЬТУРЫ	268

Глава 11	
СТРАНА ЛОТОФАГОВ	290
Глава 12	
НОВЫЙ ДАРВИН НАУК О ЧЕЛОВЕКЕ	319
Глава 13	
КТО ЗАГЛЯНЕТ В ДУШИ ЭТИХ ЛЮДЕЙ?	350
Глава 14	
TERRA INCOGNITA	386
Постскриптум	
ПРОТЯНЕМ ДРУГ ДРУГУ РУКИ	409
Благодарности	423
Хронология	426

Глава 1

Введение

В 1871 году, вооружившись томиком «Илиады» и лопатой, Генрих Шлиман принялся искать Трои. И спустя два года наткнулся на золото.

Шлимана поносили, называя дилетантом, авантюристом и аферистом.

Когда спустя несколько десятков лет археологи усовершенствовали методы раскопок, Шлиману предъявили еще одно обвинение — он, мол, невольно уничтожил многое из того, что пытался найти.

И все же он отыскал потерянный город. Прослыл первооткрывателем доисторической греческой цивилизации для своей эпохи. Вдохновил взрыв интереса к гомероведению в конце XIX века. Вдобавок — и это всего важнее для нашего сопоставления — Шлиман не только в буквальном, но и в фигуральном смысле начал копать там, где до него не копал никто: он вчитался в слова, из которых составлен текст, и поверил, что в них содержится истина.

«Скажу то, что говорю уже много лет: в глобальном смысле Шлиман — лучший аналог того, что Рене Жирар олицетворяет в антропологии и социологии, — сказал Роберт Поуг Харрисон, стэнфордский коллега этого французского теоретика. — Его великое открытие, как и открытие Шлимана, раскритиковали за неверную методiku. Другие никогда не отыскали бы Трои таким способом, как изучение художественной литературы, — у них просто не хватило бы воображения». Однако в трудах Жирара содержатся откровения даже еще более существенные, чем открытие Трои: в них описаны корни насилия,

уничтожавшего на протяжении истории человечества то Трои, то другие империи.

Этот член Французской академии доверял литературе, как и Шлиман, — считал ее вместилищем истины и правдивым отражением реальных событий. Харрисон сказал мне, что Жирар преданно служил не какой-либо узкой научной дисциплине, а непреходящей общечеловеческой истине: «Научные дисциплины привержены больше методологии, чем истине. Рене не учился на антрополога, точно так же как Шлиман — на историка. С точки зрения научной дисциплины это беззастенчивая недисциплинированность. Ему этого до сих пор не простили».

Аналогия показалась мне ценной, хотя некоторые другие друзья Жирара непременно бросятся оградить его от таких сравнений, поскольку Шлиман — фигура скандальная. Впрочем, Жирар тоже кое-кого скандализировал: в академической среде многие скрежещут зубами из-за некоторых высказываний Жирара, выдержанных в непрекаемом — ни дать ни взять папа римский *ex cathedra* — тоне (но разве еще несколько современных французских мыслителей высказываются менее категорично?). По нашу сторону Атлантики Жирар, хоть он и был одним из немногочисленных на американской земле *immortels* — членов Французской академии, — так и не удостоился подобного ему признания.

И все же от Шлимана Жирар отличается тем, что для него литература — не просто письменные свидетельства, где оставили свой след исторические факты, но и архив самопознания. Жирар начинал свою публичную деятельность в сферах теории литературы и литературной критики, с изучения писателей, чьи главные герои стремятся отринуть свое «Я» и вырваться за пределы своей индивидуальности. В конце концов его исследования приобрели кросс-дисциплинарный характер, переместившись в вотчины антропологии, социологии, истории, философии, психологии, теологии. Мысль Жирара, в том числе проводимый им текстовый анализ, предлагает всеобъемлющую интерпретацию природы человека, истории

человека и удела человека. Давайте кратко напомним ряд его важнейших выводов.

Он опроверг три широко распространенных исходных допущения касательно природы желания и насилия: первое допущение гласит, что желание человека — искренно и возникает у него самого; второе — что мы ссоримся из-за того, чем мы различаемся, а не из-за того, что мы абсолютно похожи между собой; а третье — что религия есть причина насилия (Жиран утверждал бы, что религия — архаический способ держать под контролем внутреннее насилие в сообществе).

Его занимала тема «метафизического желания» (его собственный термин) — иначе говоря, желания, которое мы испытываем, когда нет проблем с удовлетворением наших животных потребностей в пище, воде, сне и безопасном укрытии. В этом плане Жиран наиболее известен, пожалуй, концепцией опосредованного желания, которая родилась из наблюдения, что человек перенимает желания других людей. Если вкратце, мы хотим заполучить то, что хотят заполучить другие. Хотим именно *потому*, что это хотят заполучить они.

Подражание — вот что движет поведением человека. Мы как-никак — животные общественные. Путем подражания мы учимся: благодаря подражанию начинаем говорить, не будь подражания, не пользовались бы при еде ножом и вилок. Подражание — вот благодаря чему реклама «работает», целое поколение решает проколоть себе язык или щеголять в рваных джинсах, поп-композиции взлетают на вершины хит-парадов, а акции стремительно растут или падают.

Сегодня понятие мимесиса далеко не чуждо общественным наукам, но никто не делал его стержнем теории соперничества и насилия у людей так, как начиная с 1950-х годов это сделал Жиран. Фрейд и Маркс ошибались: первый предположил, что стройматериалом для поведения человека служит сексуальность, второй считал, что основа всего — экономика. Но подлинный ключ к разгадке — «миметическое желание», предшествующее

и сексуальности, и экономике, движитель их обеих. Именно подражание пробуждает в нас похоть и диктует на Уолл-стрит тренды в биржевой торговле. Когда реклама «Кока-колы» зазывает вас пригубить этот напиток и таким образом присоединиться к гламурной компании на пляже, миметическое желание не предполагает, что у кого-то что-то отнимется — запасов «Кока-колы» хватит на всех. Проблемы возникают, когда потребление приходится ограничивать из-за дефицита или когда завистливый взгляд примечает что-то, чем поделиться невозможно или чем владелец делиться категорически не желает: мужа или жену, наследство, угловой кабинет на верхнем этаже офиса.

Исходя из этого, Жирар утверждал, что миметическое желание — не только наша манера любить, но и причина наших ссор. Если двое тянут руки к одной вещи, рано или поздно оба стиснут кулаки. Вспомним «Сон в летнюю ночь», где пары распадаются и перекомбинируются, а дружеские отношения рвутся оттого, что двое мужчин вдруг возжелали одну и ту же женщину. Все, что желанно двум-трем людям, скоро станет желанным для всех. Миметическое желание распространяется подобно заразе, когда несколько человек «кладут глаз» на один объект: человека, должность или материальное благо, воспринимаемое как ответ на молитвы или как решение проблемы. Даже конфликт, и тот становится образцом для подражания и «отплаты той же монетой».

В конце концов в некоем индивиде или группе людей начинают видеть тех, кто ответственен за инфицирование всего общества, — обычно это чуждые ему люди, те, кто не может или не хочет дать сдачи: это означает, что на этом человеке или группе ввиду их положения может оборваться эскалация циклической мести. Поэтому виноватыми назначаются иностранцы, калеки, женщины, а иногда — король, обособленный от общества тем, что высоко вознесся над чернью. Жертву убивают, или изгоняют, или выставляют к позорному столбу, или устраняют каким-то иным способом. Этот акт объединяет

конфликтующие фракции и дает выход колоссальному социальному напряжению, восстанавливая согласие между индивидами и внутри сообщества. Козел отпущения является вначале преступником, а затем становится божеством; самое же главное — что козел отпущения одновременно является преступником и божеством, так как способность единолично либо даровать обществу мир и согласие, либо принести в него войну и насилие считается сверхъестественной. В Колоне обожествляют Эдипа, Елена Троянская восходит на Олимп, а прямо в то время, когда Жанну д'Арк сжигают на костре, по толпе пробегает шепоток: «Мы убили святую!» Архаическое религиозное жертвоприношение, утверждал Жиран, — ни больше ни меньше как ритуальная реконструкция убийства козла отпущения, попытка воззвать к магическим силам, когда-то предотвратившим общественную катастрофу. Он предложил полную деконструкцию религии, совершенно как и подверг деконструкции желание.

Он не только заменил желание, описанное Фрейдом, более четким понятием мимесиса, но и в период, когда большинство не принимало эту книгу, взглянул по-новому на фрейдовское «Тотем и табу» — этот экскурс психоаналитика в области археологии и антропологии. Жиран развил, продвинувшись на шаг вперед, содержащиеся в «Тотеме и табу» понятие коллективного убийства и догадку, что убийство — фундамент культуры. Он подтвердил значимость книги Фрейда, но в конечном итоге опроверг ее своими дерзкими, опирающимися на эрудированное знание аргументами.

Его следующий шаг оказался наиболее провокативным из всех: он описывает уникальность иудео-христианских текстов, а она — в том, что эти тексты вскрывают безвинность козла отпущения и тем самым ломают механизм, который, позволяя жертве одновременно быть преступником и искупителем, допускал насильственное решение проблемы общественного насилия. Отныне мы не можем убивать так, чтобы наша совесть при этом оставалась чиста. Конкретные люди и группы людей даже соперничают за престижное звание жертвы на своего

рода «Олимпиаде притеснений», а власть имущие переходят от нападения к обороне. Войны все еще случаются, но заканчиваются без четкого разрешения конфликта. Международное соперничество продолжает нарастать, устремляясь к неопределенным развязкам. Сегодня на кон поставлено как никогда много: мы балансируем на грани ядерной войны.

У читателей, которые впервые познакомятся с Рене Жираном только на страницах этой книги, невольно возникает вопрос: отчего в мире, день ото дня наводняемом новой информацией, нас должны интересовать книги, интервью, статьи и жизнь человека, тихо умершего на сотом десятке лет в конце 2015 года? Для начала я отмечу, что Жиран — поборник длинных мыслей в мире, предпочитающем мысли покороче и побанальнее. Это один из немногих настоящих мыслителей нашей эпохи. Многие пытались рассортировать его работы по разным категориям сообразно его пестрым интересам (интересам к литературе, антропологии, религиям) или разным фазам его научной деятельности (мимесис, механизм козла отпущения, жертвоприношение). Однако Жирана невозможно раззять на части, потому что фазы его работы — не пестрые моменты «многосерийной» жизни одного человека. В них явлена суть его интеллектуальной, эмоциональной и духовной вовлеченности в историю XX века и его личных попыток раскусить ее смысл. Журналисты — и не только они — чаще всего выпячивают какой-то один элемент его мыслей, чтобы подкрепить аргумент в текущей дискуссии, но при этом не учитывают контекст целого. Однако попытки втиснуть Жирана в готовые рамки выдают нашу потребность в самоуспокоении. Сортировать мысли Жирана по разным интеллектуальным категориям — безусловно, ошибка. Сделать это невозможно, да и не следует по той простой причине, что если вы это делаете, то *сами* не изменитесь. А в том, чтобы изменить способ бытия человека, и состоит в конечном итоге подлинно стержневая идея Жирана.

«Любое желание — это желание быть», — заметил однажды он¹, и эта формулировка, из которой вытекают поразительные выводы, — стрелка, указывающая на выход из наших метафизических проблем. Мы хотим того, чего хотят другие, потому что верим, что «другой» обладает внутренним совершенством, которого мы лишены. Нас иссушает желание *быть* этими богоподобными другими. Мы надеемся, что, заполучив их внешние атрибуты (их автомобили, одежду от их кутюрье, их круг друзей), приобретем и их метафизическую собственность: авторитет, мудрость, независимость, самореализованность — свойства, которые по большому счету в основном нам только мерещатся.

Подражание заставляет нас вступать в прямую конкуренцию с любимым, с соперником, к которому мы в конце концов проникаемся ненавистью и обожанием, а он/она предпринимает ответные действия, обороняя свои владения. Когда соперничество обостряется, соперники все больше и больше копируют друг друга — даже если копируют лишь образ себя, отраженный в чужом зеркале. Со временем *objet du désir*² теряет свое значение, отходит на второй план или оказывается пустяком. Соперники одержимы друг другом и своей схваткой. Сторонних наблюдателей втягивают в конфликт, убеждая «решить, на чьей они стороне»; таким путем конфликт может распространиться на все общество циклы ответного (а значит, подражательного) насилия и борьбы за верховенство.

Вот почему теории Жирара — взрыв, направленный внутрь, а не вовне. Если вы применяете эти инструменты для того, чтобы исправить несовершенного *Другого*, — значит, вы не уяснили суть. Желание — явление не индивидуальное, а общественное. *Другой* колонизировал ваше желание задолго до того, как вы отдали себе отчет в этом желании. А призракное существо, которым вы завистливо

1. См.: Girard R. When These Things Begin: Conversations with Michel Treguer. East Lansing: Michigan State University Press, 2014. Ch. 2. — Примеч. ред.
2. Объект желания (*фр.*).

жаждете «быть», ускользает, едва вы пускаетесь в погоню. Жирар приглашает вас спросить у самих себя: «Перед кем я преклоняюсь?» Пламя, разожженное его трудами, — во все не страстная любовь к древней Месопотамии, древнегреческим текстам или горстке его любимых писателей. Нет, его исследования — приглашение к тому, чтобы вы подожгли стул, на котором сидите. Чтобы вы запустили процесс, через который прошел и сам Жирар. Марсель Пруст, один из его любимейших писателей, написал в своем главном произведении:

О своей книге (я) размышлял более скромно, и едва ли точно будет сказать, что я думал о тех, кто прочтет ее, о читателях. Мне кажется, что они будут не столько моими читателями, сколько читающими в самих себе, потому что моя книга — лишь что-то вроде увеличительного стекла, вроде тех, что выдает покупателям комбрейский оптик; благодаря книге я открою для них средство чтения в себе. Так что я не напрашивался бы на хвалы и хулы, я только хотел бы, чтобы они сказали мне, одно ли это, и слова, что они читают в себе, те же ли, что и написанные мной...¹

Очевидно, Жирар непоколебимо верен наследию, которым в последние полтора столетия пренебрегают, — *grand récit*, то есть метанарративу, предлагающему всеобъемлющую, телеологическую картину мира. Он идет вразрез с традицией западной философии, все больше сужающей круг того, что могут описывать философы. Жирар — а по масштабу интеллекта и амбиций он мог потягаться с самыми выдающимися мыслителями нашей эпохи — один из последних представителей этой особенной породы: он изящно описывает широчайшие панорамы реального бытия человека таким слогом и в таком стиле, какие редко встретишь в трудах по общественным наукам.

Сегодня мы говорим о войне, соперничестве, насилии и конфликте, а бывшая мода — увлечение понятиями

1. Пруст М. Обретенное время / Пер. А. Година.

«знака» и «означающего» — устарела и, возможно, вскоре почти забудется. Собственно, можно утверждать, что заметное место в нашей культуре таких терминов, как «козел отпущения», «жертвоприношение», «социальное заражение» и, безусловно, «мимесис», — заслуга Жирара. Естественно, не он ввел эти термины в обиход, но их широкое употребление, возможно, отчасти обусловлено их постоянным акцентированием в его исследованиях. То, как обостренно мы подмечаем само явление поиска козлов отпущения, — пожалуй, дань уважения его мыслям. Жирар по любым критериям — гигант мысли XX века.

Все вышесказанное звучит очень красиво, но я смотрю на Жирара иными глазами, чем большинство его почитателей. С Рене Жираром я познакомилась не через знакомство с его теориями или книгами, а благодаря личному общению с ним. В отличие от многих писавших о нем, я пришла к его исследованиям не путем, который вел бы от книг к дружбе, а благодаря тому, что Жирар отнесся ко мне по-доброму, радушно и дружелюбно. Я старалась всегда помнить, что не всякий читатель станет углубляться в его работы, но даже такой читатель все равно сочтет важными мысли, которые он нес миру.

Эта книга — прежде всего портрет человека в контексте его жизни и времени, ее цель — в том, чтобы читатель не только поразмыслил над идеями Жирара, но и *прочувствовал* их, видя в них динамику, работающую в человеческом обществе, а не непреклонно навязываемую научную формулу. Таким путем я надеюсь сформировать широкий круг читателей — не фанатичных адептов, а образованных неспециалистов, которые наверняка заинтересуются вопросами, заданными Жираром, и захотят ознакомиться с его размышлениями в общих чертах; согласятся ли они с его ответами — уже несущественно. Эти читатели воспримут его работы не как теорию, требующую либо подтверждения, либо опровержения, а как эвристическую рамочную структуру, помогающую более глубоко описать то, что мы видим вокруг. Я лично уверена, что мысли Жирара приложимы к широкому спектру

ситуаций и важны для широкой аудитории. Их способности объяснять мир подвластны как международная политика, так и мемы в ежедневной ленте новостей в твиттере. Однако я не считаю (да и сам он так не думал), что его теории — единственная оптика для решения этих проблем. Телескоп — полезнейший инструмент для созерцания звезд, но для обнаружения микробов куда как сподручнее микроскоп. А чтобы любоваться пейзажем, микроскоп не подходит — он не заменит бинокль. Мы пользуемся тем прибором, который помогает нам яснее видеть. То, что многие работы Жирара написаны в форме дискуссий или бесед (например, его главный труд — целая книга в формате «вопрос — ответ»), не располагает к догматизму. «Я все излагаю как можно более систематично, чтобы вы смогли доказать, что это неверно», — уведомлял он своих критиков¹, но я считаю, что интуитивистом он был не в меньшей мере, чем рационалистом. Пусть он и гордился собой как французским интеллектуалом, но в то же время был — *malgré lui*² — визионером.

Как он однажды заметил со свойственной ему уклончивостью: «Эта личная вовлеченность вопрошающего, которую невозможно убрать за скобки, а заодно, с другой стороны, всеобъемлющий характер вопроса придают моим исследованиям „философский“ и даже „религиозный“ оттенок, из-за которого они, возможно, никогда не станут „научными“ в глазах ученых. Означает ли это, что наша научная культура может игнорировать этот вопрос? И, по большому счету, может ли она позволить себе его игнорировать?»³

Во всей этой книге, с начала до конца, я шла на поводу у своего личного предвзятого убеждения, которое разделял и один из любимых писателей Жирара. Вот как это сформулировал профессор, которого я знала по Мичиганскому университету, — ученый-славист и издатель

1. *Haven C. History Is a Test. Mankind Is Failing It // Stanford Magazine. July/August 2009. P. 8.*
2. Вопреки самому себе (*фр.*).
3. *Girard R. Conflict // Stanford Magazine. Winter 1986. P. 60.*

Карл Проффер (издательство «Ardis Books»): «Достоевский уверял, что тебя учит *жизнь* — а не теории, не идеи. Посмотри, куда людей заводит в итоге их жизнь, — и это научит тебя истине»¹. Для научного наследия Жирана лучшая рекомендация — он сам. Жиран в общем и целом жил по принципам, которые проповедовал, и, практикуя их, постепенно совершенствовался. Я знаю по собственным наблюдениям, каким колоссальным чувством собственного достоинства он обладал, какой примечательно безмятежной, исполненной взаимной преданности была его супружеская жизнь, как он был трудолюбив, как верен друзьям, с которыми дружил всю жизнь, с какой неизменной учтивостью общался с новыми знакомыми — такими, как ваша покорная слуга. Некоторые утверждали, что эти ласковость и нежность были побочным эффектом преклонного возраста, но точно так же можно было бы утверждать, что старость приводит к застою, раздражительности и косности. По крайней мере, когда я заглядывала к нему в гости, он до конца своих дней оставался жизнерадостным, любознательным и неунывающим. Он был великий человек и мудрый человек; мне доводилось знать других великих и других мудрецов, но ни один из них не обладал такими чертами характера, как Жиран; его личные качества произвели на меня самое благоприятное впечатление еще до того, как я познакомилась с его научными трудами.

Однако он не жаждал быть героем и сам постарался преуменьшить значение своей личной истории. «В двадцать три года я уехал из Франции в США. Преподавал в нескольких университетах, женился, обзавелся детьми. В летние каникулы много раз ездил с семьей во Францию и в Европу, а также провел там несколько лет в творческих отпусках, — писал он. — Итого, по меркам второй половины XX века, жизнь довольно банальная»².

1. *Mitosz C.* A Conversation about Dostoevsky // Michigan Quarterly Review. Fall 1983. Vol. 22. P. 548.
2. *Girard R.* Souvenirs d'un jeune français aux États-Unis // René Girard / Ed. by M. Anspach. Paris: Éditions L'Herne, 2008. P. 29.

Я же — как и подозревала с самого начала — обнаружила, что это далеко не исчерпывающий рассказ. Пусть со стороны его жизнь и казалась безмятежной, на его долю тоже выпали душевные волнения и страдания. В разговорах со мной и другими Жирар со стоическим постоянством преуменьшал значение событий и силу своей реакции на эти события, даже когда его версия не вязалась с воспоминаниями очевидцев. Тем, кто порицал его за высокомерие, следовало бы обратить внимание на его скромность: «Я не утаиваю свою биографию, но не хочу пасть жертвой нарциссизма, к которому все мы склонны»¹. Обычно говорят, что описывать чью-то жизнь — значит разочароваться в герое биографии. Я рада сообщить вам, что этого не произошло. Исследуя величайшие литературные произведения, Жирар всегда уверял, что история романа — это и история его автора. То же самое мы можем сказать о Жираре и совокупности его трудов. Но Жирар самовыражался не в художественной литературе, а в области наук о человеке. Писал красноречивым, живым и убедительным языком. Однако жизненный опыт, стоящий за его теориями, до сих пор оставался в тени. Его книги уже в нашем распоряжении; а здесь перед вами — наметенная в общих чертах траектория его жизненного пути.

1. *Girard R. When These Things Begin. P. 129.*